

ОТРЫВКИ
ИЗЪ «ГАМЛЕТА»
ТРАГЕДИИ В. ШЕКСПИРА.

OCR Бычков М.Н.

<mailto:bm@lib.ru>

Сделано исключительно для <http://lib.ru> и <http://orel.rsl.ru>

Источник: Гамлет. Отрывки. Перев. Н. П. Карабчевского. — В кн.:
Карабчевский Н. Приподнятая завеса. СПб., 1905, с. 335–350.

I.
Сцена изъ втораго дѣйствія.

(Полоній, входитъ Гамлетъ; онъ читаетъ).

Полоній.

Какъ поживать изволите, любезный принцъ?

Гамлетъ.

Слава Богу, хорошо.

Полоній.

Вы меня узнаете, принцъ?

Гамлетъ.

Еще бы... ты рыбакъ!

Полоній.

Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ.

Я бы желалъ, однако, чтобы ты былъ честнымъ малымъ.

Полоній.

Честнымъ, принцъ?

Гамлетъ.

Да, сударь, если разчестъ, какъ все идетъ на свѣтѣ, быть честнымъ, значитъ быть избраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній.

Суцая правда, принцъ!

Гамлетъ.

И если самое солнце, это свѣтило жизни не гнушается зарождать червей въ падали... У тебя есть дочь?

Полоній.

Есть, принцъ.

Гамлетъ.

Не пускай ее на солнце... Плодородіе вещь чудесная... Но тебѣ отъ того не поздоровится.

Полоній.

Что хотите вы этимъ сказать, принцъ? Все на мою дочь сворачиваетъ. Сначала меня не узналъ, принялъ меня за рыбака. Въ молодости я тоже влюблялся и становился почти такимъ-же дуракомъ. Поговорю съ нимъ еще. Что вы читаете принцъ?

Гамлетъ.

Слова, слова, слова.

Полоній.

Но о чемъ онѣ ведутъ рѣчь?

Гамлетъ.

Съ кѣмъ?

Полоній.

Я хотѣлъ сказать: что изображено въ этой книгѣ, принцъ?

Гамлетъ.

Клевета! Вообразите: негодяй сочинитель смѣетъ утверждать, что у стариковъ сѣдые волосы, что лицо ихъ въ морщинахъ, что у нихъ слезятся глаза, что они выживаютъ изъ ума и плохо держатся на ногахъ. Я знаю, что все это сушая правда, сударь, да писать-то не слѣдуетъ... Вѣдь и вы и сами можете стать старикомъ пятысь, какъ ракъ, назадъ по жизненному пути.

Полоній.

Въ его безуміи есть однако, логика... Не желаете-ли пройти принцъ, въ другое мѣсто, здѣсь, кажется, свѣжо, слишкомъ открыто?

Гамлетъ.

Куда? въ могилу?

Полоній.

Да, это ужъ точно значило бы уйти въ закрытое мѣсто. Какъ онъ ловко, однако, изворачивается. Это иногда удается сумасшедшему, лучше нежели здравомыслящимъ. Однако, надо устроить свиданіе съ нимъ дочери... Позвольте, высокочтимый принцъ, засвидѣтельствовать вамъ мое всенижайшее почтеніе и попросить васъ дать мнѣ временный отпускъ.

Гамлетъ.

Даю вамъ его охотно. Охотнѣе этого я могъ бы отдать только мою жизнь, мою жизнь!

Полоній.

Прощайте, принцъ.

Гамлетъ.

Скучны старые дураки!

(Розенкранцъ и Гольденштернъ).

Полоній.

Вамъ угодно видѣть принца Гамлета? Вотъ онъ!

Розенкранцъ.

Благодаримъ васъ. *(Полоній уходитъ).*

Гольденштернъ.

Ваше высочество!

Розенкранцъ.

Дорогой принцъ!

Гамлетъ.

Милѣйшіе друзья! Ну, что ты, Гольденштернь? Ну, какъ ты, Розенкранцъ? Какъ поживаете вы оба?

Розенкранцъ.

Что намъ дѣлается зауряднымъ людямъ.

Гольденштернь.

Мы счастливы потому, что не чрезмѣрно счастливы; мы не на остриѣ колпака Фортуны.

Гамлетъ.

Но и не терпите отъ подошвъ ея башмаковъ?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, принцъ!

Гамлетъ.

Стало быть, вы у ея стана, въ средоточіи милостей.

Гольденштернь.

Правду говоря, она не отвергаетъ насъ.

Гамлетъ.

Какъ, обоихъ? Впрочемъ, она женщина вѣтренная. Ну, что новаго, хорошаго?

Розенкранцъ.

Хорошо, что свѣтъ все совершенствуется.

Гамлетъ.

Вы находите? Стало быть близко къ день судный. Но вообще вы

ошибаетесь, а въ частности, скажите лучше чѣмъ провинились вы передъ Фортуной, что она васъ послала въ тюрьму?

Гольденштернь.

Въ тюрьму, принцъ?!

Гамлетъ.

Да, Данія — тюрьма.

Гольденштернь.

Такъ и весь свѣтъ тюрьма?

Гамлетъ.

Еще какая! Свѣтъ — тюрьма съ перегородками, конурами и отдѣленіями. Данія одно изъ худшихъ отдѣленій.

Розенкранцъ.

Мы другого о ней мнѣнія, принцъ.

Гамлетъ.

Такъ, — для васъ она не тюрьма. Ни что само по себѣ ни дурно, ни хорошо. Все зависитъ отъ точки зрѣнія и нашего представленія о вещахъ. Для меня Данія — тюрьма!

Розенкранцъ.

Она, быть можетъ, тѣсна для вашего честолюбія... Вашъ великій духъ желалъ бы большаго простора?

Гамлетъ.

Богъ мой! Я былъ-бы готовъ умѣститься весь въ орѣховой скорлупѣ и считать себя властелиномъ необъятнаго пространства... Но меня тревожатъ дурные сны, дурные сны...

Гольденштернь.

Честолюбецъ именно и гоняется за мечтою сна.

Гамлетъ.

Да вѣдь самъ сонъ — мечта!

Розенкранцъ.

Конечно, конечно... Оттого и выходитъ, что честолюбецъ гоняется за мечтой.

Гамлетъ.

Да? Стало быть нищій — дѣйствительность, а великій человекъ мечта. Не отправиться-ли намъ, однако, ко двору, я что-то туго соображаю сегодня.

Розенкранцъ.

Мы къ услугамъ вашимъ.

Гамлетъ.

О нѣтъ, господа, у меня здѣсь довольно прислужниковъ, которые мнѣ, однако, прескверно служатъ. Я не хочу смѣшать васъ съ остальными. Будемъ лучше на дружеской ногѣ: зачѣмъ вы въ Эльсинорѣ?

Розенкранцъ.

Хотѣли видѣть васъ, принцъ.

Гамлетъ.

Какъ нищій я бѣденъ благодарностью, хотя все-же она стоитъ немногимъ больше вашей дружбы. За вами не послали? Вы сами надумали пріѣхать, по своей охотѣ? Ну, руку на сердце и говорите прямо.

Гольденштернъ.

Что же сказать, принцъ?

Гамлетъ.

Что вамъ покажется идущимъ къ дѣлу... За вами послали? Это я читаю въ вашихъ взорахъ, но вы можете мнѣ отвѣтить иначе... Вы недостаточно искусны въ притворствѣ. Добрый король и добрая

королева за вами послали?

Розенкранцъ.

Для чего-же, принцъ?

Гамлетъ.

Это ужъ вы мнѣ скажите. Заклинаю васъ правами товарищескихъ дней, союзомъ юности, моимъ постояннымъ къ вамъ расположеніемъ и всѣмъ еще болѣе цѣннымъ, чѣмъ могъ бы васъ тронуть лучшей ораторъ, чѣмъ я, — отвѣчайте мнѣ прямо: послали за вами или нѣтъ?

Розенкранцъ.

(*Гольденштерну*). Что отвѣчать?

Гамлетъ.

Довольно: понимаю! (*громко*). Не скрывайте ничего, если вы меня любите.

Гольденштернъ.

Принцъ, за нами послали.

Гамлетъ.

А я вамъ скажу зачѣмъ. Это предупредить ваше признаніе, и вы сохраните тайну короля и королевы. Съ недавнихъ поръ, не знаю отчего я утратилъ всю мою веселость, оставилъ обычныя занятія. На душѣ у меня такъ худо, что земля, эта обширная прекрасная земля, кажется мнѣ какимъ то бесплоднымъ утесомъ и сводъ небесный, весь сіяющій золотыми звѣздами, скопленіемъ ядовитыхъ испареній. Что за дивное созданіе человѣкъ! Какимъ благородствомъ вѣнчалъ его разумъ, какъ безграничны и разнообразны его способности, какая прелесть формы, вмѣщающей въ себѣ духъ Божій... Краса міра! Вѣнецъ созданія! А для меня это квинтэссенція праха и пыли... Мнѣ не милъ человѣкъ, а женщина и того менѣе... Твоя улыбка говоритъ, что ты съ послѣднимъ несогласенъ?

Розенкранцъ.

Нѣтъ, право, принцъ, у меня и въ помышленіи не было такого вздора.

Гамлетъ.

Отчего-же ты засмѣялся, когда я сказалъ, что мнѣ не миль чловѣкъ?

Розенкранцъ.

Разъ не миль чловѣкъ, то вы плохо примете актеровъ, которые дорогой съѣхались съ нами. Они хотѣли предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ.

Играющій королей — милости просимъ! Я къ его услугамъ. Странствующій рыцарь найдетъ дѣло мечу и копью. Любовникъ у насъ не будетъ вздыхать попусту. Шуту найдетъ также мѣсто, чтобы дурачить умныхъ. Героиня пусть свободно выскажетъ свои чувства, если они не споткнутся у нея о стихи. А какіе это актеры?

Розенкранцъ.

Тѣ, которые вамъ такъ нравились, городскіе актеры.

Гамлетъ.

Зачѣмъ-же они пустились странствовать? Сидѣтъ на мѣстѣ выгоднѣе для славы и доходовъ.

Розенкранцъ.

Я думаю тому причиною новая мода, ихъ забиваютъ новички.

Гамлетъ.

Отчего-бы не такъ! Это все-же не такъ удивительно, какъ мода на моего дядю, датскаго короля. При жизни моего отца всѣ ему строили гримасы, а теперъ за его собственную гримасу на миниатюрномъ портретѣ платятъ 20, 40, 50 и даже 100 червонцевъ. Не мѣшало бы философіи доискаться: отчего это когда переведутся великіе люди, маленькіе тотчасъ-же становятся великими?

(Слышенъ звукъ трубы).

Гольденштернъ.

Вотъ и актеры.

Гамлетъ.

Ну, друзья, радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ. Давайте ваши руки! Я принимаю васъ ласково. Послѣ этого я могу принять и комедіантовъ, чтобы вы не подумали, что я съ ними обойдусь учтивѣе, чѣмъ съ вами. Добро пожаловать, добро пожаловать! Но мой дядя-отецъ и моя теткамать ошибаются...

Гольденштернъ.

Въ чемъ, принцъ?

Гамлетъ.

Я сумасшедшій только при нордъ-вестѣ, а при южномъ вѣтрѣ я еще могу кое-что различить, и не смѣшать кукушку съ ястребомъ. (*Входитъ Полоній*).

Полоній.

Здравствуйте, господа!

Гамлетъ.

Ну, Гольденштернъ, и ты, Розенкранцъ, на каждое ухо по слушателю, слушайте: этотъ младенецъ все еще въ свивальникѣ!

Розенкранцъ.

Можетъ бы его опять запеленали; говорятъ-же, что старцы снова впадаютъ въ младенчество.

Гамлетъ.

Навѣрно онъ пришелъ объявить о пріѣздѣ актеровъ, увидите! Это было въ понедѣльникъ...

Полоній.

А у меня есть новости, принцъ!

Гамлетъ.

И у меня новости: когда великій Росцій былъ актеромъ въ Римѣ...

Полоній.

Пріѣхали актеры, принць.

Гамлетъ.

Не можетъ быть?

Полоній.

Честью васъ увѣряю!

Гамлетъ.

И ѣдутъ чинно на ослахъ!..

Полоній.

Самые лучшіе актеры! Для трагедій, комедій, историческихъ пасторалей, комическихъ пасторалей, для трагедій историческихъ, для драмъ съ тремя единствами и для поэмъ безконечныхъ. Имъ по плечу и Сенека и Плавтъ, они ни передъ чѣмъ не спасуютъ.

Гамлетъ.

Чудо чудное и диво дивное! О Іеѳай, Судья Израиля, какимъ сокровищемъ ты обладалъ.

Полоній.

Обладалъ сокровищемъ, принць?

Гамлетъ.

Еще бы!

Онъ красавицу дочь
Всей душою любилъ.

Полоній.

Все о моей дочери!

Гамлетъ.

Не такъ-ли, старый Іеѳай?

Полоній.

Если вы называете меня Іеѳаемъ, такъ у меня есть дочь, которую я горячо люблю.

Гамлетъ.

Одно изъ другого не вытекаетъ...

Полоній.

Въ такомъ случаѣ, что же изъ этого можетъ вытекать?

Гамлетъ.

Что?

Что угодно Творцу,
Лишь бы ближе къ концу!

А дальше ты, вѣдь, тоже знаешь.

И свершится съ ней то,
Чему быть суждено!

Конецъ есть и въ святочной пѣсенкѣ. А вотъ моей рѣчи конецъ: актеры!

(Входятъ четыре или пять актеровъ). Милости просимъ, господа, — всѣ — милости просимъ! Я радъ, что вы въ добромъ здоровьи. Милости просимъ, добрые друзья... А, старый пріятель! Какъ лицо твое украсилось съ тѣхъ поръ какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ: уже не явился-ли и ты съ тѣмъ, чтобы оказать мнѣ въ Даніи непочтеніе своею бородой?.. А ты, моя молодая красавица! Клянусь Богородицей ты, какъ цвѣтокъ, подтянулась къ небу на своемъ стебелькѣ. Дай Богъ, чтобы съ ростомъ не осипъ и не потускнѣлъ твой голосокъ, какъ тускнѣетъ ходячая золотая монета... Господа, добро пожаловать всѣ! Мы какъ французскіе сокольничіе бросимся на первую попавшуюся добычу; безъ всякой отсрочки требуемъ монолога. Пусть это будетъ проба вашего таланта: патетическій монологъ, живѣй!

Первый актеръ.

Какой именно монологъ, принцъ?

Гамлетъ.

Помнится, ты декламировалъ мнѣ его однажды... Пьеса никогда не была играна, впрочемъ кажется одинъ разъ была... Она не понравилась толпѣ, это былъ слишкомъ тонкій десертъ для большинства. Но я и другіе, чье мнѣніе въ такихъ вещахъ поважнѣе моего, нашли, что это вещь превосходная, съ хорошо продуманными сценами, написанными ровно, сдержанно и тонко. Нѣкоторые находили, впрочемъ, что въ стихахъ мало пряности и завитушекъ и что въ нихъ вообще чрезмѣрно выдержанъ строгій стиль. Находили, что у автора даже мало души, хотя и не отрицали, что вещь сплошь представляетъ нѣчто здоровое, изобилующее истинными, а не вычурными красотами. Одинъ монологъ въ этой пьесѣ особенно полюбился мнѣ: это разсказъ Энея Дидонѣ, особенно то его мѣсто, гдѣ идетъ рѣчь объ убійствѣ Пріама. Если ты припомнишь начни вотъ съ этой строфы... Пстой, дай вспомнить: „Пирръ суровый, Гирканскому звѣрю подобный"... Нѣтъ, не то, а начинается съ Пирра.

Суровый Пирръ, котораго dospѣхи
Какъ и намѣренья, чернѣе были ночи,
Пока лежалъ въ предательской утробѣ
Коня зловѣщаго, теперь еще ужаснѣй
Себя явилъ для всѣхъ. Отъ головы до пятъ
Онъ красенъ зловѣщей, алой кровію отцовъ
Сраженныхъ, матерей, убитыхъ и дѣтей
Злодѣйству въ жертву принесенныхъ средь пожара,
Который отблескъ свой кидалъ проклятый
На гнусно-звѣрское убійство беззащитныхъ.
Охваченъ яростью, запекшеюся кровью
Залить, съ кровавыми глазами злобно ярый Пирръ
Пріама-старца взоромъ ищетъ всюду...

Ну, продолжай!

Полоній.

Клянусь Всевышнимъ, вы отлично декламируете, принцъ, у васъ вездѣ вѣрная интонація и мѣра въ чувствѣ.

Первый актеръ.

И вотъ его онъ видитъ въ рукопашной:
Тотъ окруженъ — увы! — въ рукѣ его дрожащей
Безсиленъ мечъ. Пріамъ его роняетъ. Тутъ-то
На беззащитнаго сильнѣйшій разомъ
Съ такимъ размахомъ грознымъ, устремился,
Что онъ меча свистящимъ въ воздухѣ движеньемъ

Въ прахъ старца бездыханнымъ повергаетъ.
Самъ Иллионъ въ тотъ мигъ какъ будто пошатнулся,
И рухнулъ съ трескомъ огненною грудой
Къ ногамъ властителя. И, словно оглушенный,
На мигъ одинъ съ мечемъ, поднятымъ грозно
Надъ головой Пріама-старца бѣлоснѣжной,
Пирръ въ колебаніи злодѣйскомъ замеръ.
Онъ послужить бы могъ изображеньемъ
Для злодѣянія, пока отъ мысли къ дѣлу
Перешагнуть оно въ медленьи не успѣло.
Природа такъ беззвучно замираетъ
Какъ разъ въ тотъ мигъ, когда таитъ грозы предвѣстье:
Недвижны хмурыхъ тучъ зловѣщія громады,
Охваченный томленьемъ, самый воздухъ,
Млѣеть; вдругъ грозный трескъ громоваго удара
До основанья землю потрясаетъ.
И Пирръ затѣмъ размахъ остановилъ свой,
Чтобъ сокрушить Пріама тѣмъ ударомъ,
Какимъ циклоповъ тяжкій молотъ богу Марсу.
Доспѣховъ не коваль. Измѣнницъ Фортунѣ
Проклятье и позоръ! О боги, дружно
Сберитесь съ силами, ободья, спицы
Скорѣй сломайте въ колесѣ ея зловѣщемъ,
И свергните его безжалостно съ холмовъ
Предвѣчныхъ въ подземный тартаръ, гдѣ злые
Обитають духи!

Полоній.

Какъ длинно!

Гамлетъ.

Не послать-ли кстати за цырюльникомъ и для твоей бороды?

Первый актеръ.

Но видѣлъ кто царицу
Преображенную...

Полоній.

„Преображенная царица!“ — Это хорошо!

Гамлетъ.

Пожалуйста, продолжай. Если онъ не въ балаганѣ и не слышитъ сальностей, онъ засыпаетъ. Ну, это мѣсто... о Гекубѣ.

Первый актеръ.

Босая, среди

Пожарища, безсильная слезами
Его залить. На головѣ, взамѣнъ короны
Жалкая повязка. Взамѣнъ пурпурной
Мантіи, худыя чресла, истощенныя
Дѣторожденіемъ, едва укрыты
Покрываломъ, врасплохъ захваченнымъ въ минуту
Пробужденія ночнаго. Видѣлъ кто ее
Такой, тому могущество Фортуны гнусной
Должно-бъ вселить лишь чувство возмущенья.
И если-бъ боги сами увидали
Ее въ мгновенье то, когда она глядѣла
Какъ, предававшійся потѣхѣ лютой, Пирръ крошилъ
Ея супруга-старца тѣло и вопль ея
Безумный слышали при этомъ, — если къ смертнымъ
Питать способны жалость, — они-бъ съ высотъ небесъ
Струили состраданье.

Полоній.

Поглядите-ка, лицо его все исказилось, на глазахъ выступили слезы... Пора перестать.

Гамлетъ.

Прекрасно. Я дослушаю конецъ послѣ... Милордъ, позаботьтесь, чтобы актеровъ устроили какъ можно лучше. Слышите! Чтобы съ ними хорошо обошлись. Не забудьте, что они ходячее отраженіе наше... Лучше имѣть плохую эпитафію на могилѣ, чѣмъ попасть къ нимъ на зубокъ при жизни.

Полоній.

Обращеніе будетъ по ихъ заслугамъ.

Гамлетъ.

Нѣтъ, оно должно быть гораздо выше заслугъ. По заслугамъ, — никто не увидитъ-бы отъ тумаконъ. Ведите себя съ ними сообразно собственному достоинству и вашей чести. Чѣмъ менѣе они заслужили, тѣмъ значительнѣе будетъ ваша щедрость. Проводите ихъ.

Полоній.

Прошу.

Гамлетъ.

Ступайте, господа, за нимъ. Завтра наше представленіе. (*Полоній съ актерами удаляется, остается лишь первый актеръ*). Пріятель, нельзя-ли представить убійство Гонзаго?

Первый актеръ.

Конечно, ваше высочество.

Гамлетъ.

Завтра представимъ... Мнѣ хотѣлось бы вставить нѣсколько строкъ отъ себя... Вы можете выучить новыхъ двѣнадцать, шестнадцать строкъ? Да?

Первый актеръ.

Съ удовольствіемъ, ваше высочество.

Гамлетъ.

Чудесно! Ступайте за старцемъ, но не слишкомъ потѣшайтесь надъ нимъ.

(Первый актеръ уходитъ).

Разстаемся до вечера друзья мои. Радъ васъ видѣть въ Эльсинорѣ!

Ступайте съ Богомъ... Я одинъ! Я рабъ
Презрѣнный и ничтожный. Не диво-ли?
Актеръ для вымышленной страсти нашель
Слова, почтилъ ее слезами, онъ
Съ нею сочетался, покоришь ей голосъ,
Даль выраженіе взгляду; онъ силою
Воображенія нашель для мысли

Блѣдной воплощенье. Взоръ его блуждалъ,
Дрожалъ онъ и блѣднѣлъ, охваченный весь страстью.
И все изъ-за чего? — Изъ-за Гекубы!
Что онъ Гекубѣ? что ему Гекуба,
Чтобъ горестно надъ нею такъ рыдать?
Чего-бъ онъ не достигъ, когда-бъ для страсти,
Подобно мнѣ, предлогъ имѣлъ немнимый?!
Онъ залилъ бы слезами сцену всю,
Онъ воплемъ яростнымъ разсѣкъ-бы воздухъ,
Безумьемъ озарилъ виновныхъ души,
Невинныхъ тронулъ-бы, потрясъ бездушныхъ...
Для зрѣнія и слуха мигъ насталь-бы
Великій изумленія. А я-то, я!..
Ношусь съ бѣдою, какъ съ ненужнымъ хламомъ,
Мечтатель жалкій, сказочный глупецъ,
Я цѣпенью въ дремотѣ безсилья.
Нѣмью я промолвить даже слово
За короля. За дорогую жизнь,
За жертву преступленія я не рѣщусь
Возстать! О, если такъ, — я трусъ! О, пусть,
Пусть гнуснымъ назовутъ меня, пусть черепъ
Мнѣ раскроютъ, иль оскорбятъ гнуснѣе,
Я долженъ все снести безмолвно, — все!
Все до конца!.. Я голубъ незлобивый
Безъ права мужества, безъ желчи. О, не такъ, —
Остатками злодѣя я давно-бы
Окрестныхъ вороновъ всю стаю накормилъ.
Да, онъ злодѣй преступный, низкій, гнусный!
Тварь кровожадная и подлая!.. О, мщенье!
Я сынъ отца, котораго убили
Предательски, я любящій... И что-жъ?
Рѣчами потаскухи, словъ наборомъ
Жестокихъ выражаю чувство я,
И уснащаю рѣчь ругательствомъ торговки.
Позоръ и стыдъ! Нѣтъ, голова, къ работѣ!..
Собрать-бы мысли!.. Слышалъ я: не разъ
Бывало такъ: виновникъ преступленья,
Изображеньемъ сцены потрясенный,
Вдругъ силой дивнаго внушенія себя
Виновнымъ объявлялъ публично.
Что если я пріятелей актеровъ
Заставлю дядѣ кое-что представить?
Убийство моего отца... Ну да,

То будетъ западня преступнымъ взорамъ!
Коль, дрогнувъ, поблѣднѣетъ дядя, — курсъ
Прекрасень мой, и я держу по вѣтру.
Кто постигалъ природы дивной тайны?
Она причудлива... Быть можетъ духъ
Самъ дьяволь. Коль призракъ бѣднаго отца
Лишь злое навожденье, — онъ на гибель
Влачилъ меня. Потерянный въ печали
Блуждалъ надъ бездной я! Все можетъ быть.
Нѣтъ, къ цѣли ближе, ближе надо средство:
Игру актеровъ ставлю я ловушкой
Для короля, для совѣсти его!